

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 1 (82). С. 26–35.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2024; 1 (82):26–35.

Научная статья
УДК 378(47)(09)«18/19»
DOI 10.37724/RSU.2024.82.1.003

Деятельность полиции Российской империи по борьбе с инфекционными заболеваниями во второй половине XIX — начале XX веков (по материалам Урала)

Сергей Михайлович Рязанов

Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний,
Пермь, Россия
s_gyazanov@mail.ru

Аннотация. Актуальность настоящего исследования состоит в том, что, несмотря на огромный интерес к полиции Российской империи, в новейшей историографии в современных исследованиях преимущественно рассматривается круг ее правоохранительных обязанностей, из-за чего значительная часть деятельности полиции остается слабо изученной, в том числе в области медицины и ветеринарии. Цель статьи — рассмотреть осуществление полицией мер по противодействию распространению инфекционных заболеваний на примере Уральского региона. Предмет статьи — полицейско-медицинские меры, предпринимаемые против инфекционных заболеваний в Вятской, Оренбургской, Пермской и Уфимской губерниях в 1862–1917 годах. В результате проведенного исследования обнаружено, что осуществление полицейскими управлениями медицинских функций регулировалось многочисленными законодательными и подзаконными актами, которые издавались как центральными властями, так и органами местного самоуправления. Преимущественное значение в деятельности полиции имели наблюдение за чистотой улиц и составление протоколов на лиц, которые пренебрегали правилами отношения к окружающей среде. В системе медико-полицейских мер основное внимание уделялось борьбе с эпидемиями и эпизоотиями. В то же время анализ источников показал, что работа полиции, направленная на соблюдение исполнения врачебных норм, играла второстепенную роль по сравнению с правоохранительными и противопожарными мерами и значительно обременяла полицейские управления. Полученные результаты могут быть использованы в преподавании курса истории органов внутренних дел, ветеринарии, медицины, а также в исследованиях по отечественной истории на смежные темы.

Ключевые слова: врачебный устав, Вятская губерния, Оренбургская губерния, Пермская губерния, полицейский урядник, сифилис, Уфимская губерния, холера, эпидемия, эпизоотия.

Для цитирования: Рязанов С. М. Деятельность полиции Российской империи по борьбе с инфекционными заболеваниями во второй половине XIX — начале XX веков (по материалам Урала) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 1 (82). С. 26–35. DOI: 10.37724/RSU.2024.82.1.003.

Original article

Activities of Russian police in fighting infectious diseases in the second half of the 19th — early 20th centuries (based on materials from the Urals)

Sergey M. Ryazanov

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service,
Perm, Russia
s_gyazanov@mail.ru

© Рязанов С. М., 2024

Abstract. The relevance of this study lies in the fact that, despite the huge interest in the police of the Russian Empire, recent historiographic studies mainly consider the range of law enforcement responsibilities. That is why a significant part of the police activities remains poorly studied, including those in the field of medicine and veterinary practices. The goal of the article is to consider the implementation of police measures to counter the spread of infectious diseases, using data for the Ural region. The subject of the article is police and medical measures taken against infectious diseases in the Vyatka, Orenburg, Perm and Ufa Provinces in 1862–1917. As a result of the study, it was discovered that the implementation of medical functions by police departments was regulated by numerous legislative acts and by-laws issued by both central authorities and local governments. Of primary importance in the activities of the police were monitoring the cleanliness of the streets and drawing up reports on persons who neglected the rules of preserving the environment. The system of medical and police measures focused on combating epidemics and epizootics. At the same time, analysis of the sources shows that police work aimed at ensuring compliance with medical regulations played a secondary role compared to law enforcement and firefighting measures and significantly burdened police departments. The results obtained can be used in teaching a course on the history of internal affairs bodies, veterinary work, medicine, as well as in research on Russian history on related topics.

Keywords: medical regulations, Vyatka Province, Orenburg Province, Perm Province, police officer, syphilis, Ufa Province, cholera, epidemic, epizootic.

For citation: Ryazanov S. M. Activities of Russian police in fighting infectious diseases in the second half of the 19th — early 20th centuries (based on materials from the Urals). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2024; 1 (82):26–35. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2024.82.1.003.

Введение

Недавние события, связанные с пандемией COVID-19, показали, что полицейско-медицинские меры, а также наличие достаточного штата для их осуществления, сохраняют актуальность даже в новом столетии. Во второй половине XIX — начале XX веков эта работа была гораздо значимее по ряду причин, например, в силу периодических вспышек новой эпидемической болезни — холеры, смертность от которой была крайне высокой [Смирнова, Ерегина, 2021, с. 33]. Кроме того, в России рассматриваемого периода активно распространялись эпизоотические заболевания из-за постоянного перемещения скота как по территории страны, так и через государственные границы [Горак, 2018, с. 36].

Несмотря на большое значение предпринимаемых полицией мер по борьбе с инфекционными заболеваниями, историографию этого вопроса можно начать лишь с XXI столетия. Так, хотя еще А. И. Андреевский в 1874 году посвятил значительную часть первого тома «Полицейского права» медицинской полиции, данный аспект рассматривался им исключительно с точки зрения административного права, а не истории [Андреевский, 1874, с. 332–433]. Несколько дополнял информацию вышедший в 1902 году исторический очерк о деятельности Министерства внутренних дел, в котором говорилось о работе по поддержанию «народного здоровья» медицинским департаментом МВД и подчиненными ему учреждениями, а не полицией [Министерство внутренних дел, 1902]. В советские годы полиция Российской империи понималась как орган подавления революционного движения [Мулукаев, 1964, с. 20], а потому интерес к ее деятельности по медицинской части не поддерживался.

В новейшей историографии можно отметить лишь одну крупную работу, обращенную к деятельности полиции по осуществлению мер медицинского характера, впрочем, ограниченную исключительно рамками XVIII столетия [Исхаков, Аксенов, 2015]. Медицинские и ветеринарные меры полиции последующего времени изучались преимущественно на местном материале в статьях А. В. Лобанова и О. В. Кузнецова [Лобанов, Кузнецов, 2009], Ю. Н. Москвитина [Москвитин, 2022], Г. А. Салтык [Салтык, 2021] и др. На Урале взаимоотношения врачебных и полицейских властей во второй половине XIX — начале XX веков первоначально были затронуты в диссертационных исследованиях по истории местной интеллигенции [Змеев, 2003] и медицины [Шестова, 2004]. Кроме того, данная проблема актуализировалась в общих трудах по истории уральской полиции означенного периода [Сичинский, 2005, с. 238–240]. В то же время на сегодняшней день специально посвящена теме лишь одна статья Т. Ю. Шестовой, отличающаяся малым объемом и сосредоточенная на мерах по борьбе с сифилисом [Шестова, 2018].

Цель настоящей публикации заключается в том, чтобы расширить данное историографическое поле, а именно — проанализировать деятельность полиции в области противодействия инфекционным заболеваниям на примере Уральского региона. Предметом статьи выступают, таким образом, полицейско-медицинские и полицейско-ветеринарные меры, направленные против распространения заразных болезней. Территориальные границы исследования составляют 4 губернии, относимые к Уралу в указанный период: Вятская, Оренбургская, Пермская и Уфимская. Хронологические рамки статьи ограничены, с одной стороны, принятием «Временных правил о полиции» 25 декабря 1862 года, а с другой — ликвидацией полиции в марте 1917 года.

Основная часть

Нормативно-правовая база Российской империи прежде всего вменяла в обязанности городской и уездной полиции борьбу с эпидемиями и эпизоотиями. Данная функция фигурирует как в «Наказе служителям уездной полиции» [Свод законов Российской империи, 1912, т. 2, с. 92, 106], так и во «Врачебном уставе» [Там же, т. 13, с. 267]. Помимо «Врачебного устава» меры полиции по противодействию заразным болезням людей и скота конкретизировались в «Инструкциях полицейским урядникам» 1878 года [Инструкция полицейским урядникам, 1878, с. 18–20]. Новая инструкция 1887 года не содержала прямого указания на соблюдение санитарных и карантинных правил [Инструкция полицейским урядникам, 1887]. Между тем крупным эпидемиям полиция России была вынуждена противостоять еще до учреждения полицейских урядников.

Так, в 1871–1872 годах на значительной части территории Российской империи бушевала эпидемия холеры, охватив все уральские губернии. В одной только Вятской губернии от этой болезни в 1871 году умерло 1 443 человека. При этом смертность среди заболевших составила 37,5 % [Приложение ко всеподданейшему отчету ... , 1872, с. 114]. В Оренбургской губернии, положение которой в силу близости Туркестанской области было особенно опасным в эпидемиологическом отношении, 4 марта 1872 года врачебное отделение дало указание полиции принять неотложные санитарные меры для предотвращения повторной эпидемии холеры. Основным методом предупреждения холеры во второй половине XIX — начале XX веков считалось соблюдение гигиенических норм [Смирнова, Ерегина, 2021, с. 36]. Полицейские чиновники, от городских надзирателей до уездных исправников, рапортовали в губернское правление об очистке дворов, уборке нечистот, закапывании палого скота на должном расстоянии от селений. Доносили о том, что в отдельных случаях за нарушения домохозяевами распоряжений врачебного отделения на них накладывались взыскания.

О большом внимании властей к проведению противоэпидемических мер говорит, в частности, то, что, помимо указаний врачебного отделения, для руководства полицией в деле решения санитарных вопросов 29 марта 1872 года был командирован чиновник губернского правления по особым поручениям Богданов. 4 апреля 1873 года оренбургский губернатор вновь предписывал чинам полиции в точности соблюдать требования врачебного отделения от 4 марта 1872 года.

Несмотря на новые донесения полицейских о полном исполнении распоряжения, действительная ситуация на местах была далека от идеала. Так, 6 марта 1874 года новый циркуляр врачебного отделения не только повторял требования предшествующего, но и устанавливал порядок надзора за противоэпидемической деятельностью оренбургской полиции. Ответственными за выполнение предписаний назначались полицейские, за деятельностью которых, в свою очередь, следили специальные чиновники. Врачам и ветеринарам при объезде участков следовало сообщать полиции и врачебному отделению о неисполнении противоэпидемических мер [ОГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3595(5). Л. 2–31].

Помимо губернаторской власти, как и в случае, например, с «Правилами предосторожности от пожаров», свои собственные нормативные правовые акты «по охранению народного здравия» стали вводить органы местного самоуправления [Андреевский, 1874, с. 340]. Данное право губернского земского собрания устанавливалось в новом «Положении о губернских и уездных земских учреждениях» 1890 года [Полное собрание законов Российской империи, 1893, собр. 3, с. 508]. В 1895–1896 годах обязательные постановления по данному вопросу издали земские собрания Вятской и Пермской губерний. За исполнением этих актов следила поли-

ция [Шестова, 2018, с. 668, 670]. Городовое же положение не только 1892 года, но и 1870 года уже содержало четкое указание о том, что Городской думе разрешено принимать обязательные постановления по предметам городского благоустройства, в том числе в целях прекращения заразительных болезней и скотских падежей [Полное собрание законов Российской империи, 1874, собр. 2, с. 832–833]. Согласно принятому в 1879 году постановлению Уржумской городской думы (Вятская губерния) жители города обязывались доносить обо всех случаях заражения инфекционным заболеванием полиции, а также выполнять ее требования по очистке дворов, отхожих мест и выгребных ям [Вятские губернские ведомости, 1879, 28 марта, с. 2].

Насколько значительны были меры по поддержанию медицинского и санитарного порядка в работе полиции, можно судить по опубликованным в губернской печати отчетам о деятельности полицейских урядников за 1879 год. Так, в «Вятских губернских ведомостях» встречаются протоколы следующего содержания: 67 (3,95 %) — о неуборке нечистот и засорении улиц, 4 (0,41 %) — о снятии кожи с палой скотины, 4 (0,24 %) — о порче воды в водоеме, 2 — о неправильном погребении, 1 — о несоблюдении караула по случаю скотского падежа, а также 1 сообщение о содействии полицейским урядником ветеринару в прекращении скотского падежа и 2 — о помощи врачу в прекращении эпидемии [Рязанов, 2020]. К этому стоит добавить, что засорение улиц могло быть связано не с нарушением санитарных норм, а с противодействием пожарам, обеспечением функционирования транспортных путей и общим благоустройством населенных пунктов. Таким образом, из приведенной статистики явно усматривается, что противоэпидемической работе полиция уделяла на порядок меньше внимания, чем, например, пожарной безопасности. Более половины от всех зафиксированных в 1879 году вятскими полицейскими урядниками правонарушений прямо или косвенно касались пожарной безопасности региона, тогда как ветеринарной и медицинской — менее 5 % [Там же]. Столь слабое внимание к санитарным правилам могло быть связано с относительно благоприятной эпидемиологической ситуацией в губернии в 1879 году.

Однако это не умаляет самого значения противоэпидемической полицейской деятельности. «В практике Глазовского земства [Вятская губерния] было немало случаев, когда дома под временные больницы для изоляции заразных больных приходилось вырывать у населения при помощи полиции» [Шестова, с. 668], — отмечали органы местного самоуправления. В некоторых случаях помощь врачам во время эпидемий приобретала не менее опасный для полицейских чинов характер, чем борьба с разбушевавшимся пламенем. В начале эпидемии холеры, летом 1892 года, по сообщению Вятской губернской земской управы «в городе Сарапуле и Воткинском заводе население возбуждено и враждебно было настроено против медицинского персонала» [Доклад о холерной эпидемии ... , 1892, с. 23]. Из-за беспорядков в Сарапульской больнице потребовалось усилить полицейскую охрану.

Не менее сложная обстановка складывалась на Ижевском заводе. «...В связи с распускаемыми неверными слухами, по поводу предполагаемых мероприятий противу холеры, неоднократно были замечаемы случаи беспокойства среди населения завода, доходившие до буйства и прямых угроз как врачебному персоналу, так и отдельным обывателям, употреблявшиеся же для водворения общественного спокойствия полицейские меры, в виду малочисленности полиции, оказывались весьма слабыми» [ГАРФ. Ф. 102. ДП 2. 1892 г. Д. 22, ч. 7. Л. 12 об., 31], — сообщал вятский губернатор министру внутренних дел 1 октября 1892 года. Проблему попытались решить командированием в Ижевск полицейских урядников из других мест, что вызвало, с одной стороны, ослабление сельской полиции, а с другой — не привело к желаемому успокоению населения.

В других губерниях Урала медико-полицейские меры по борьбе с холерой также сталкивались с сопротивлением. В селе Покровском Оренбургского уезда одноименной губернии объединенных усилий органов губернского управления, полиции, земства и врачей оказалось недостаточно, из-за чего пришлось задействовать воинские подразделения. Здесь распространялись слухи о том, что доктора отравляют население под видом медицинской помощи. 19 июля 1892 года командированные для борьбы с эпидемией врачи просили губернатора о немедленной высылке военной силы и выселении подстрекателей из села. Уже в час ночи 20 июня на ближайшую станцию в сопровождении роты Белебеевского батальона и восьми конных казаков прибыли вице-губернатор, губернский прокурор с товарищем, исполняющий обязанности начальника губернского жандармского управления, председатель уездного по крестьянским де-

лам присутствия и оренбургский уездный исправник. Формальное дознание о неисполнении указаний врачебного начальства и угрозах докторам производилось местным полицейским урядником. Выслушав полицейского и других свидетелей, вице-губернатор распорядился выпороть и передать судебному следователю четырех подстрекателей, а одного в административном порядке (что, к слову, было нарушением действующего законодательства) заключить в тюрьму [ОГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 216. Л. 1–2, 18–19 об., 47–54].

Особенно активная деятельность полиции в области санитарных мер была необходима в местах компактного проживания людей — в крупных городах и на заводах. В самом маленьком из губернских городов Урала, Вятке, летом 1879 года для предупреждения эпизоотии «сибирской язвы» населению предписывалось сообщать частным приставам о заражении животных, в то время как полиция занялась проверкой ветеринарных свидетельств у продавцов мяса [Вятские губернские ведомости, 1879, 4 авг., с. 2]. В самом большом городе, Оренбурге, 5 сентября 1889 года, после заболевания девочки дифтеритом, городской врач поручил приставу 2-й части принять неотложные меры по санитарной обработке помещений, изоляции квартиры, в которой находилась больная, а также по наблюдению за самочувствием других жильцов дома. Подобные распоряжения врачей были не редкостью, а потому в полицейских частях города всегда имелись необходимые средства дезинфекции.

11 октября 1889 года, в связи с распространением дифтерии, оренбургский губернатор приказал полицмейстеру проверить все дома, дворы и площади, обратив особое внимание на места общественного питания и гостиницы. Не удовлетворившись рапортами приставов о полном исполнении распоряжения, в декабре 1889 года губернатор принял решение об осмотре всех гостиниц и трактиров специальной санитарной комиссией. Выводы оказались неутешительные: 22 декабря комиссия нашла серьезные нарушения санитарных правил в 8 из 10 заведений в 3-й части Оренбурга. Через две недели, 5 января 1890 года, пристав 3-й части доносил полицмейстеру, что все перечисленные комиссией недостатки устранены, а в целях предупреждения новых за заведениями установлено пристальное наблюдение полиции [ОГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 19. Л. 29–40].

Эпидемические заболевания оставались активными и в дальнейшем. Например, в 1910 году в Оренбургской губернии заболело холерой 3 742 человека, из которых более половины умерло [Обзор Оренбургской губернии ... , 1911, с. 62]. Летом 1910 года оренбургский полицмейстер специальным приказом наметил ряд мер для предотвращения эпидемии в городе. Помимо очистки улиц и дворов, периодического санитарного осмотра, усиления надзора за вывозом нечистот полицмейстером устанавливалось наблюдение за содержанием в чистоте мест стоянок извозчиков и за продажей доброкачественных продуктов питания. На владельцев гостиниц и постоялых дворов возлагалась обязанность в течение суток извещать полицию обо всех вновь прибывших. Обыватели, однако, не спешили выполнять санитарные распоряжения [Сичинский, 2005, с. 239].

К началу XX столетия в санитарно-полицейском контроле нуждались и небольшие торговые города. По этой причине Кунгурская городская дума, которая весьма неохотно увеличивала свои расходы на полицию по закону 1887 года, зимой 1901–1902 года по собственной инициативе ходатайствовала об утверждении дополнительной должности ветеринарно-полицейского стражника, чтобы с его помощью обеспечить должный контроль городской скотобойни и рынка [ГАРФ. Ф. 102. ДП 2. 1887 г. Д. 32, ч. 34. Л. 76–86 об.].

В связи с тем, что борьба с заразными болезнями и скотскими падежами еще в большей степени, чем с пожарами, была связана с взаимодействием полиции с другими органами местного и государственного управления, для ее слаженности и эффективности создавались временные санитарно-исполнительные комиссии на уровне уездов и отдельных населенных пунктов. В них, помимо представителей уездных земских управ, городских голов, земских начальников, врачей в обязательном порядке входили местные уездные исправники и полицмейстеры. Например, в Вятской губернии во время эпизоотии чумы рогатого скота 1871 года был создан комитет из чинов полиции, городского головы, члена земской управы и старшего губернского ветеринарного врача. Тем не менее, несмотря на «энергичные меры», за год заболело более 23 тыс. животных, подавляющее большинство которых пало [Приложение ко всеподданейшему отчету ... , 1872, с. 118]. 26 июня 1892 года, уже при первых сообщениях о появлении холеры на юге России, было решено создать санитарно-исполнительные комиссии не только в уездных городах и губернском центре, но и при заводууправлениях в Ижевском, Воткинском, Омутинском и Холунитском заводах,

с обязательными привлечением местных полицейских чиновников. В безуездном Царевосанчурске, где не было даже полицейского надзирателя, в комиссию вошел квартирующий в городе становой пристав [Доклад о холерной эпидемии ... , 1892, с. 3–4].

Опасность представлял и транзит по сухопутным трактам зимой и во время ярмарок «кож и других животных продуктов» из регионов, «не совсем благоприятных в ветеринарно-полицейском отношении». В 1901 году пермский губернатор своим циркуляром требовал от полиции, чтобы ее чины не допускали остановок транспорта с «сырыми животными продуктами» на улицах и дворах, а также следили за «укупоркой» [ГАПК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1. Л. 50, 50 об.].

Противоэпидемическая и противозпизоотическая деятельность сохраняли свою важность и для созданной в 1904–1906 годах уездной полицейской стражи. Объясняя недостаток нижних чинов в начале Первой мировой войны, оханский уездный исправник доносил пермскому губернатору, что, вместо контроля за мобилизацией, 10 полицейских стражников уезда (12,3 %) вынуждены «исполнять полицейские функции... по предупреждению эпизоотии “Сибирской язвы” в пределах 2 стана» [ГАПК. Ф. 36. Оп. 10. Д. 102. Л. 3]. В то же время и в начале XX столетия далеко не все чины полиции проявляли должное рвение в выполнении противоэпидемических мер. Екатеринбургский уездный исправник сообщал губернатору осенью 1908 года, что приставом 6-го стана Воронцовым «не донесено... о появлении на рогатом скоте болезни зуд, и не принято мер к нераспространению ея» [ГАПК. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1. Л. 5]. Приказом верхотурского уездного исправника (Пермская губерния) от 25 февраля 1913 года объявлялся строгий выговор приставу 5-го стана С. П. Басманову за донесение об эпидемии брюшного тифа в Нижнетагильском заводе, в котором находилась его станова квартира, спустя 2 месяца после ее начала [ГАСО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 273. Л. 16 об.].

В борьбе с заразными заболеваниями наиболее активное взаимодействие между полицейским и врачебным начальством осуществлялось при противодействии такому социально значимому явлению, как сифилис. Венерическое заболевание настолько распространилось в Оренбурге к осени 1873 года, что среди пациентов военного госпиталя больные сифилисом составляли почти 30 %. По предложению оренбургского генерал-губернатора в 1874 году был создан особый врачебно-полицейский комитет, при котором на средства города учреждались должности врачебно-полицейских надзирателей. В обязанности последних входил розыск женщин, которые занимались тайной проституцией, и доставление их для освидетельствования на предмет венерических заболеваний. В случае уклонения от освидетельствования проститутки, согласно постановлению комитета, могли быть арестованы полицией на срок до двух недель. Комитет составил список всех женщин, «промышляющих развратом», которых набралось до 180 человек. Выявленных больных отправляли на лечение, а остальным давали официальное право заниматься проституцией (желтый билет). К 1877 году число проституток увеличилось до 230. Благодаря медицинским осмотрам число зараженных сифилисом мужчин сократилось в городе в четыре раза. Кроме Оренбурга, надзор за проститутками вводился в Орске и Челябинске.

В 1882 году комитет как выполнивший свою миссию был упразднен. Его полномочия и списки проституток передавались городской полиции. В августе частные приставы провели осмотр существующих в городе «домов терпимости», а также попытались учесть проституток, проживавших на частных квартирах. Подобные меры полиции оказались менее эффективны. Снижение контроля за «женщинами, промышляющими развратом» привело к росту числа «тайных проституток» и, как следствие, ежегодному росту пациентов с венерическими заболеваниями [Сичинский, 2005, с. 125–127].

Причина неудачи полицейского надзора в этой области крылась не только в недостаточности личного состава или массе других обязанностей, но и в неэффективной организации контроля за проституцией. Пристав 2-й части сообщал 9 июля 1885 года оренбургскому полицмейстеру: «...С упразднением медико-полицейских надзирателей надзор за женщинами, промышляющими развратом, естественно ослабел... проститутки живут во всех частях... города, а наблюдать за ними пришлось исключительно мне, тогда как даже не имелось надлежащих сведений о месте жительства многих из них...» [ОГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 11. Л. 9]. Далее пристав жаловался, что его коллеги из других частей города отказываются от всякого сотрудничества: не предоставляют списки проституток, не желают выяснять причины неявки для медицинского освидетельствования.

В 1885–1886 годах эту проблему удалось частично решить переносом всех домов терпимости, а также переселением проституток, проживающих на частных квартирах, в 4-ю часть города. Данная мера обуславливалась борьбой за народную нравственность и благоустройство, так как 2-я часть города, где находилось большинство подобных заведений, была центральной, но, безусловно, отрицательно повлияла на полицейский надзор.

Другим средством к улучшению медико-полицейского надзора стал циркуляр МВД от 25 ноября 1885 года об обязательном осмотре посетителей в домах терпимости. Ранее проститутки сами должны были осматривать своих клиентов, но, так как фактически проконтролировать исполнение этой обязанности полиция не могла, то распространению венерических заболеваний среди проституток установленная законом норма никак не препятствовала. Положения циркуляра горячо поддержал пристав 4-й части Оренбурга, поскольку практическая реализация предписаний документа могла бы затруднить перевод всех домов терпимости в его распоряжение. Полицейский предложил проводить осмотры посетителей публичных домов фельдшерами и, в случае отсутствия признаков венерических болезней, выдавать им билеты. Проверять же билеты должны содержательницы публичных домов. Такая система могла работать только при компактном расположении всех домов терпимости, а потому, в силу отсутствия в 4-й части Оренбурга достаточного для этого количества помещений, предлагалось сосредоточить их в другой части города [ОГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 11].

Осуществление врачебно-полицейских осмотров проституток на практике нередко наткнулось на сопротивление врачей, которые считали подобные мероприятия унизительными для женщин. Врач А. В. Попов в 1903 году на совещании врачей Оренбургской губернии сказал по поводу проституток, «что это несовместимо с понятием об их человеческом достоинстве» [Шестова, 2018, с. 669].

В практике Вятской губернии периодические осмотры мужчин на предмет венерических заболеваний после возвращения с промыслов практиковались с 1872 года. Исполнение данной обязанности в сельской местности возлагалось на волостные органы, а в городе отходники должны были явиться для осмотра в полицейское управление. В Пермской губернии осмотру подвергались вернувшиеся со службы солдаты.

На протяжении всего периода главным источником сифилиса являлись крупные ярмарки — для Урала таковой служила Ирбитская ярмарка Пермской губернии [Шестова, 2018, с. 669]. Тем не менее только в январе 1915 года, когда в местной больнице обнаружилось значительное количество зараженных венерическими заболеваниями солдат, был организован врачебно-полицейский комитет, в который вошли уездный исправник, его помощник, городской пристав, по одному представителю от Ирбитской земской и городской управ, городской врач и командующий местным батальоном. Проведенное помощником пристава дознание выяснило, что все проститутки, как в публичных домах, так и проживающие индивидуально, проходили регулярные осмотры, и солдаты заразились сифилисом в других местах. Несмотря на это, врачебно-полицейский комитет в апреле принял решение прекратить в городе проституцию до конца войны. Осенью 1915 года решение было отменено губернской врачебной управой как нецелесообразное, однако местные врачи отказались продолжать освидетельствование публичных женщин. В результате в начале 1916 года функционирование ирбитских домов терпимости было вновь приостановлено [Змеев, 2006, с. 201–203].

Заключение

Анализ источников показывает, что работа полиции, направленная на соблюдение врачебных норм, играла второстепенную роль сравнительно с правоохранительными и противопожарными мерами. Это косвенно подтверждается как относительно небольшим количеством сохранившихся источников, так и формально-количественным анализом сообщений о деятельности полицейских урядников Вятской губернии. В то же время данные задачи значительно обременяли полицейские управления, особенно когда речь шла о контроле или самостоятельном осуществлении карантинных кордонов в случае эпидемий или эпизоотий. Кроме того, полиция следила за соблюдением санитарно-гигиенических мер, однако выполняла обязанности формально. Это косвенно подтверждается повторными циркулярами и прямо — при проведении независимых осмотров в тех местах, которые полиция уже якобы ревизовала.

В системе медико-полицейских мер борьба с эпидемиями и эпизоотиями играла ведущую роль. На втором месте стоял контроль за распространением сифилиса. Однако и на этих поприщах успехи были лишь временными. Очевидными причинами неудач можно назвать перегруженность полиции другими обязанностями и нехватку личного состава для выполнения всех возложенных на нее задач. Здесь же стоит отметить и перманентный конфликт между полицейскими как представителями власти и врачами как представителями интеллигенции. Если в деле борьбы с эпидемиями и эпизоотиями интересы врачей и полиции совпадали, то при контроле за распространением сифилиса интеллигенты направляли все усилия на закрытие публичных домов, как правило путем отказа от освидетельствования проституток.

Список источников

1. Андреевский И. Е. Полицейское право. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб. : Тип. В. В. Працц, 1874. — Т. 2. — 648 с.
2. Вятские губернские ведомости. — 1879, 28 марта. — 4 с. ; 4 авг. — 4 с.
3. Горак А. И. Государство и мобилизация общественных сил: борьба с чумой рогатого скота в Российской империи в XIX — начале XX в. // Уральский исторический вестник. — 2018. — № 4. — С. 30–37. — DOI: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-30-37.
4. Государственный архив Пермского края (ГАПК). — Ф. 36. — Оп. 10. — Д. 102 ; Ф. 165. — Оп. 1. — Д. 1 ; Ф. 509. — Оп. 1. — Д. 1.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. 102. — ДП. 2. — 1887 г. — Д. 32, ч. 34 ; 1892 г. — Д. 22, ч. 7.
6. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). — Ф. 621. — Оп. 1. — Д. 273.
7. Доклад о холерной эпидемии, бывшей в Вятской губернии летом 1892 года. — Вятка : Тип. Маишеева, 1892. — 176 с.
8. Змеев М. В. Социальный мир интеллигенции рубежа XIX–XX веков в контексте русской общественной мысли (на материалах Пермской губернии) : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.01. — Пермь, 2003. — 296 с.
9. Змеев М. В. Жизненный мир русской интеллигенции рубежа XIX — XX вв. На материалах Пермской губернии. — Пермь : [б. и.], 2006. — 266 с.
10. Инструкция полицейским урядникам : на основании ст. 9 Высочайше утв. 9 июня 1878 г. Врем. положения о полиц. урядниках и по соглашению с министром юстиции и шефом жандармов : утв. управляющим М-вом внутр. дел 19 июля 1878 г. — [Б. м.] : [б. и.], 1878. — 45 с.
11. Инструкция полицейским урядникам : по соглашению с министром юстиции : утв. министром внутр. дел 28 июля 1887 г. — СПб. : Тип. Н. М. Дурново, 1888. — 20 с.
12. Исхаков Э. Р., Аксенов С. Г. Организация оказания медицинской помощи в Российской Империи и роль полиции в ней. — Уфа : УЮИ МВД России, 2015. — 107 с.
13. Министерство внутренних дел : ист. очерк. — СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1902. — 225 с.
14. Москвитин Ю. Н. Взаимодействие полицейских и медицинских структур на частных золотых приисках в конце XIX — начале XX в. // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. — 2022. — № 2. — С. 129–131.
15. Мулукаев Р. С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. — М. : [б. и.], 1964. — 28 с.
16. Обзор Оренбургской губернии за 1910 год. — Оренбург : Тип. губ. правления, 1911. — 72 с.
17. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). — Ф. 10. — Оп. 3. — Д. 216 ; Ф. 11. — Оп. 2. — Д. 3595(5) ; Ф. 25. — Оп. 1. — Д. 11, 19.
18. Полное собрание законов Российской империи. — СПб. : Гос. тип., 1874. — Собр. 2. — Т. 45, ч. 1. — 639 с. ; 1893. — Собр. 3. — Т. 10, ч. 1. — 843 с.
19. Приложение ко всеподданейшему отчету вятского губернатора за 1871 год. — Вятка : Тип. Вят. губ. правления, 1872. — 180 с.
20. Рязанов С. М. Деятельность полицейских урядников Вятской губернии. 1879 г. : база данных. — Пермь, 2020 // Личный архив автора.
21. Салтык Г. А. Полиция Курской губернии в борьбе с эпидемиологическими заболеваниями: XIX век // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2021. — № 4. — URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=47429819> (дата обращения: 24.09.2023).
22. Свод законов Российской империи. — СПб. : Рус. кн. т-во «Деятель», 1912. — Т. 2. — 737 с. ; Т. 13. — 353 с.
23. Сичинский Е. П. Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия. — М. : Майор, 2005. — 214 с.

24. Смирнова Е. М., Ерегина Н. Т. «Карантины чуть не взбунтовали 16 губерний»: власть, врачи и общественность России в борьбе с эпидемией холеры (XIX — начало XX веков) // Новый исторический вестник. — 2021. — № 2. — С. 33–48.

25. Шестова Т. Ю. Становление и развитие здравоохранения Урала в XVIII — начале XX вв. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. — Пермь, 2004. — 525 с.

26. Шестова Т. Ю. Врачебно-полицейские меры в уральских губерниях во второй половине XIX — начале XX века // Российская полиция: три века служения Отечеству : материалы юбилейн. междунар. науч. конф. / под ред. Н. С. Нижник. — СПб. : Санкт-Петербург. ун-т МВД России, 2018. — С. 668–671. — URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=36432276> (дата обращения: 24.09.2023).

References

1. Andreevsky I. E. *Politseyskoye pravo* [Police law]. St. Petersburg, V. V. Pratz Publ., 1874, vol. 2, 648 p. (In Russian).

2. *Vyatskiye gubernskiye vedomosti* [Vyatka Provincial Gazette]. 1879, March, 28, 4 p. ; Aug., 4, 4 p. (In Russian).

3. Gorak A. I. The state and the mobilization of social forces: the fight against rinderpest in the Russian Empire in the 19th — early 20th centuries. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin]. 2018, iss. 4, pp. 30–37. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-30-37. (In Russian).

4. *Gosudarstvennyy arkhiv Permskogo kraya (GAPK)* [State Archive of the Perm Territory (GAPK)]. F. 36, Op. 10, D. 102 ; F. 165, Op. 1, D. 1 ; F. 509, Op. 1, D. 1. (In Russian).

5. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. F. 102, DP. 2, 1887, D. 32, part 34 ; 1892, D. 22, part 7. (In Russian).

6. *Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti (GASO)* [State Archives of the Sverdlovsk Region (SASO)]. F. 621, Op. 1, D. 273. (In Russian).

7. *Doklad o kholernoy epidemii, byvshey v Vyatskoy gubernii letom 1892 goda* [Report on the cholera epidemic that occurred in the Vyatka Province in the summer of 1892]. Vyatka, Maishev Publ., 1892, 176 p. (In Russian).

8. Zmeev M. V. *Sotsialnyy mir intelligentsii rubezha XIX–XX vekov v kontekste russkoy obshchestvennoy mysli (na materialakh Permskoy gubernii)* [The socium of the intelligentsia at the turn of the 19th–20th centuries in the context of Russian social thought (based on materials from the Perm Governorate)]. Dissertation of candidate of social science: 22.00.01. Perm, 2003, 296 p. (In Russian).

9. Zmeev M. V. *Zhiznennyy mir russkoy intelligentsii rubezha XIX–XX vv. Na materialakh Permskoy gubernii* [The social world of the Russian intelligentsia at the turn of the 19th–20th centuries. Based on materials from the Perm Province]. Perm, [no publ. data], 2006, 266 p. (In Russian).

10. *Instruktsiya politseyskim uryadnikam: po soglasheniyu s ministrom yustitsii: utv. ministrom vnutr. del 28 iyulya 1887 g.* [Instructions to police officers: based on Art. 9 of Interim Statement approved June 9, 1878: police officers, approved by His Imperial Majesty, Minister of Justice, and Chief of Gendarmes: approved Ministry of Internal Affairs on July 19, 1878]. 1878, 45 p. (In Russian).

11. *Instruktsiya politseyskim uryadnikam: po soglasheniyu s ministrom yustitsii: utv. ministrom vnutr. del 28 iyulya 1887 g.* [Instructions to police officers: agreed by Minister of Justice, approved by Minister of Internal Affairs on July 28, 1887]. St. Petersburg, N. M. Durnovo Publ., 1888, 20 p. (In Russian).

12. Iskhakov E. R., Aksenov S. G. *Organizatsiya okazaniya meditsinskoy pomoshchi v Rossiyskoy Imperii i rol politsii v ney* [Organization of medical care in the Russian Empire and the role of the police]. Ufa, UII MIA of Russia Publ., 2015, 107 p. (In Russian).

13. *Ministerstvo vnutrennikh del: ist. ocherk.* [Ministry of Internal Affairs: historical review]. St. Petersburg, Ministry of Internal Affairs Publ., 1902, 225 p. (In Russian).

14. Moskvitin Yu. N. Interaction between police and medical structures at private gold mines in the late 19th — early 20th centuries. *Vestnik Barnaulskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2022, iss. 2, pp. 129–131. (In Russian).

15. Mulukaev R. S. *Politsiya i tyuremnyye uchrezhdeniya dorevolyutsionnoy Rossii* [Police and prison institutions in pre-revolutionary Russia]. Moscow, 1964, 28 p. (In Russian).

16. *Obzor Orenburgskoy gubernii za 1910 god* [Review of Orenburg Governorate for 1910]. Orenburg, Governorate Publ., 1911, 72 p. (In Russian).

17. *Obyedinennyy gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti (OGA OO)* [United State Archive of Orenburg Region (USAO)]. F. 10, Op. 3, D. 216 ; F. 11, Op. 2, D. 3595(5) ; F. 25, Op. 1, D. 11, 19. (In Russian).

18. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, State Publ., 1874, coll. 2, vol. 45, part 1, 639 p. ; 1893, coll. 3, vol. 10, part 1, 843 p. (In Russian).

19. *Prilozheniye ko vsepoddaneysheму otchetu vyatskogo gubernatora za 1871 god* [Appendix to the most loyal report of Vyatka governor for 1871]. Vyatka, Vyatka Governorate Publ., 1872, 180 p. (In Russian).

20. Ryazanov S. M. Activities of police officers of the Vyatka province. 1879: database. *Lichnyy arkhiv avtora* [The author's personal archive]. Perm, 2020. (In Russian).
21. Saltyk G. A. Police of the Kursk province in fight against epidemiological diseases: 19th century. *Uchenyye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scholarly notes. Electronic scientific journal of Kursk State University]. 2021, iss. 4. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47429819> (accessed: 24.09.2023). (In Russian).
22. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, Russkoye Knizhnoye Tovarishchestvo "Deyatel" Publ., 1912, vol. 2, 737 p. ; vol. 13, 353 p. (In Russian).
23. Sichinsky E. P. *Politsiya Yuzhnogo Urala v period krizisa samodержaviya* [Police of the Southern Urals during the crisis of monarchy]. Moscow, Mayor Publ., 2005, 214 p. (In Russian).
24. Smirnova E. M., Eregina N. T. "Quarantines almost rebelled in 16 provinces": authorities, doctors and the public of Russia in the fight against the cholera epidemic (19th — early 20th centuries). *Novyy istoricheskiy vestnik* [New Historical Bulletin]. 2021, iss. 2, pp. 33–48. (In Russian).
25. Shestova T. Yu. *Stanovleniye i razvitiye zdravookhraneniya Urala v XVIII — nachale XX vv.* [Formation and development of healthcare in the Urals in the 18th — early 20th centuries]. Dissertation of doctor of history: 07.00.02. Perm, 2004, 525 p. (In Russian).
26. Shestova T. Yu. Medical and police measures in the Ural provinces in the second half of the 19th — early 20th centuries. *Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu: materialy yubileyn. mezhdunar. nauch. konf.* [Russian police: three centuries of service to the Fatherland: materials of the international scientific conference]. Ed. by N. S. Nizhnik. St. Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2018, pp. 668–671. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36432276> (accessed: 24.09.2023). (In Russian).

Информация об авторе

Рязанов Сергей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России.

Сфера научных интересов: история полиции Российской империи, история Урала во второй половине XIX — начале XX веков, история пенитенциарной системы Российской империи.

Information about the author

Ryazanov Sergey Mikhaylovich — candidate of history, associate professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines at Perm Institute of the Federal Penitentiary Service (FSIN) of Russia.

Research interests: history of the police of the Russian Empire, history of the Urals in the second half of the 19th — early 20th centuries, history of the penitentiary system of the Russian Empire.

Статья поступила в редакцию 25.10.2023; принята к публикации 10.12.2023.

The article was submitted 25.10.2023; accepted for publication 10.12.2023.